

- 3 ИЮН 1984

добрый вечер

Мастерская

КРАСКИ В ПАЛИТРЕ

Автопортрет

Он внимательно смотрит на меня и будто что-то припоминает. Я тоже пытаюсь вспомнить: где могла видеть эти добрые, теплые глаза? Внезапная догадка радует: да это же автопортрет! Его, Бориса Ивановича. Автопортрет, выполненный углем, как и портрет дочери-девочки со скрипкой, стоящий рядом. А Борис Иванович Замараев, учитель школы искусства, на минуту вышел из мастерской в класс: пришли старшеклассники на урок лепки. А пока в мастерской никого нет, можно все рассмотреть. Здесь все интересно: на полках стоят многочисленные работы учащихся. Из пластилина, дерева, керамики. Доносится голос учителя — сильный, звучный, — к нему нельзя не прислушаться. Сейчас Борис Иванович вернется в мастерскую, а пока...

Замараева всегда привлекало все загадочное, таинственное. (До сих пор в своем учительском портфеле он носит научно-популярные брошюры, книги, журнальные статьи из серии «Новое в науке и технике». Он с самого детства в простом видел необычное. Идет, например, по лесу. Заметит кусок дерева. Дерево как дерево — ну и что? А Замараев поднимет его с земли, изучит, да и возьмет в мастерскую. Серьезно увлекся скульптурой в художественном училище. Какая это трудная и волшебная

работа — заставить бесформенный, молчаливый материал заговорить, закричать. Учился Борис Иванович в мастерской училища, дома и в театре. Театр — вторая страстная, непреходящая любовь художника. Где, как не в театре, скульптору может представиться такая возможность для изучения мимики, пластики! Студент Замараев и сам играл на самодеятельной сцене. Внешние данные, хорошо поставленный голос, тонкая душевная организация — все эти качества привлекали режиссеров. И на телевидении, в конкурсе дикторов, Борис победил. А первой своей любви не изменил — стал художником. Участвует в выставках, учит детей, мечтает о новых работах. А помогает в этом всю жизнь кумир его юношеских и зрелых лет К. С. Станиславский. С него, пожалуй, все и началось...

В юности Борис настолько увлекся «системой», что изучил все труды Станиславского от корки до корки. Знание «системы» помогло не только в самодеятельном театре. В сущности, профессии художника и актера похожи. Артист в процессе репетиции постепенно «переселяется» в образ драматического героя. Художник делает то же самое, создавая портрет. Человек, которого он рисует, сегодня в одном настроении, завтра — в другом. Художнику приходится еще раз проживать вместе со своим героем вчерашний день, вернуть его в изначальное состояние.

Установка на вдохновение

Нередко приходится слышать сетаования: ничего не могу делать, нет вдохновения! А что же это такое, вдохновение? Наверное, особый душевный подъем, творческий прилив, желание создавать, но, увы, вдохновение не такой уж частый гость. Вот тут как раз на помощь приходит Станиславский. На основе «системы» Замараев и разработал свою методику — аутотренинг на занятиях живописью. Идеи появились задолго до того, как аутотренинг вошел в моду, — педагог стихийно сам пришел к нему. Если задуматься, аутотренинг — это же обыкновенное актерское перевоплощение в самого себя. Разве что обстоятельства нам предлагаются иные: всегда — приятные. И вот, наконец, мне удалось подслушать и подсмотреть один из таких необычных уроков «по системе Замараева».

До звонка Борис Иванович установил в центре класса странную конструкцию — старый фонарь (вернее, то, что от него осталось), несколько кирпичей. Всю композицию объединил проволокой. Получилась какая-то абстракция. Учитель объяснил, что, выполняя подобные задания, старшеклассники учатся воспринимать композицию в целом, «обозреть». Это очень важно.

Идут последние приготовления. Вот уже и мольберты на

своих местах, и специальное освещение делает педагога, «убирает» солнце. Появились ребята, расселись по местам, достали карандаши. Борис Иванович подходит к каждому, дает советы, поправляет робкие, неправильные линии. Видно, что учащиеся работают без особого подъема. И неудивительно. Время близится к вечеру, период наибольшей активности прошел. На перемене наступает оживление, ибо юные художники — в предвкушении «сеанса». И вот наступает... тишина, которую нарушает лишь спокойный, густой, глубокий голос учителя. Все расслаблены и спокойны — никто уже не мечтает, посторонние шумы отсутствуют. Голос приказал «отдыхать» — и невольно закрываются глаза, каждый видит себя в предлагаемых обстоятельствах.

Нет смысла лишний раз говорить о пользе аутотренинга. Те, кто сам испытал на себе его эффект, в этом не сомневаются. После «сеанса» ребята взбодрились, активно принялись за работу. Внимание сконцентрировано на одном — цель ясна. Учитель дал установку: до конца недели все будут хорошо работать, все будут талантливыми.

Борис Иванович с улыбкой рассказывает о своей методике, об учениках. Один, например, настолько «первоплотился» в любимого художника Врубеля, что, работая, просил карандаш у соседа... «Серова»!

Более двадцати лет отдал Борис Иванович Замараев педагогической работе. И не

жалеет об этом. С нежностью вспоминает об учениках. Многие из них стали художниками, просто — хорошими людьми, прекрасными специалистами. Бывает, иногда заглядывают в гости — делятся успехами, радостями.

Еще много можно было бы рассказывать о художнике и педагоге Б. И. Замараеве. Например, о его работах, которые находятся в музее им. Нестерова. Или о том, что художник всю жизнь мечтает создать портрет Станиславского. Это всего лишь штрихи к портрету художника, который с каждым днем раскрывается по-новому, в палитре его души мы находим все новые и новые краски...

Т. БАРАБАШ.

Школа

Далеко от центра горбда есть тихая улочка Нежинская. Там, в глубине двора, стоит дом с большими окнами. Здание хорошо обзавелось осенью, — его не скрывают пышные кроны деревьев. Старые листья беспрестанно сыплются на асфальт. По аллее, словно по царственному золотому ковру, вы подходите к парадному входу: табличка «Школа искусства» видна изда-лека.

Многие преподаватели бывшей художественной школы помнят то время, когда жили они на другой улице, в другом доме... Теперь, на новом месте, стало веселее. На нижних этажах расположились представители «соседней» му-зы. Поднимаясь по лестнице,

можно услышать извечные гаммы и распевки. А наверху поселились... художники.

Мы начинаем рисовать очень рано — раньше, чем учимся составлять из слов предложения. Каждый из нас в детстве был художником. Плохим или хорошим? Конечно, хорошим! Никто так смело и откровенно не может фантазировать, как дети. Может, поэтому на рисунках детей (вспомните Экзюпери!) совершенно обыкновенная шляпа оказывается необыкновенным удавом, способным проглотить целого слона? Проходит время, и дети взрослеют. Те из них, которые задерживаются в детстве, не утрачивают способности в обычном видеть тайну, становятся потом художниками. А возвращают этот дар их добрые, талантливые учителя.

